

ИНТЕРРОГАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ И ЕЕ ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ*

Аннотация. В статье рассматриваются прагматические аспекты интеррогативной ситуации: истинная и мнимая, односторонняя и двусторонняя интеррогативность; целевые установки коммуникантов; тематическая обусловленность речевого контакта.

Ключевые слова: истинная и мнимая интеррогативность, односторонняя и двусторонняя интеррогативность, целевые установки, тематическая обусловленность.

Одним из аспектов языковой категории является ее опора на категориальную ситуацию, понимаемая вслед за А.В. Бондарко как «типовая содержательная структура», представляющая собой «один из аспектов передаваемой высказыванием общей сигнификативной (семантической) ситуации» [1].

В сигнификативной ситуации выделяются категориальные ситуации, связанные с теми или иными функционально-семантическими полями. К числу категориальных относится интеррогативная ситуация (ИС), являющаяся составной частью всеобщей коммуникации, характеризующаяся тем, что адресант желает получить неизвестную информацию, подтвердить или уточнить известную у адресата при помощи специальных вопросительных средств. Как замечает Л. Теннер, мыслительную установку вопроса составляют «неопределенность выбора между двумя альтернативными решениями и испытываемая сознанием говорящего потребность выйти из этой неопределенности» [2].

ИС предполагает взаимодействие прагматических, семантических и синтаксических компонентов. На прагматическом уровне задаются параметры ИС: участники интеррогативного акта, его цели и тема, средства их реализации и многое другое.

Категориальную ситуацию интеррогативной определяет признак неоднородности: она не является монолитной, а дифференцируется в зависимости от положения дел, от той информации, на которую рассчитывает адресант, от того, что представляет собой адресат, т. е. инвариантное значение категории интеррогативности «запрос неизвестной информации» репрезентировано своими вариантами

в конкретной речевой ситуации. Интеррогативную составляющую высказывания способна усилить или ослабить формальная структура КИ, реализующая свои средства самостоятельно или в сочетании с другими лингвистическими и паралингвистическими средствами.

Как две полярные ипостаси можно выделить истинную и мнимую интеррогативность. Истинная интеррогативность – такая ситуация интеррогативной, когда у адресата не возникает сомнения, что адресант реализует запрос о какой-либо информации, и ему (адресату) необходимо ответить на этот вопрос. В данном случае в вопросительном высказывании реализуется только запрос об информации, а не побуждение к действию или еще какая-то интенция:

- Скажите, – заговорила Маргарита, и голос ее стал глух, – среди них нет критика Латунского?

- Как же его может не быть? – ответил рыжий, – вон он с краю в четвертом ряду.

- Это блондин-то? – щурясь, спросила Маргарита.

- Пепельного цвета... Видите, он глаза вознес к небу.

- На патера похож?

- Во – во!

Больше Маргарита ничего не спросила, всматриваясь в Латунского (М. Булгаков. Мастер и Маргарита, 2, 19).

Мнимая интеррогативность, лежащая на периферии интеррогативной ситуации, проявляется в том, что высказывание, формально представленное вопросительным предложением, в зависимости от пропозиции выполняет функцию не только и не столько запроса информации, а имеет еще какой-то смысл. Этот смысл и оказывается доминирующим, а вопросительное предложение лишь форма выражения этого дополнительного значения. И адресантом, и адресатом данное высказывание оценивается не как вопросительное, а как аффирмативное (утвердительное) (1), отрицательное (2) или побудительное (3):

1) *Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания*

* © Логинов А.В.

эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений (Л. Толстой. Детство, XV).

2) -Ноблесс оближ, – заметил кот и налил Маргарите какой-то прозрачной жидкости в лафитный стакан.

- Это водка? – слабо спросила Маргарита.

Кот подпрыгнул на стуле от обиды.

- Помилуйте, королева, – прохрипел он, – разве я позволил бы себе налить даме водки? Это чистый спирт (М. Булгаков. Мастер и Маргарита, 2, 24).

3) - Ах ты, господи, что за ребенок, за юла за такая! Да посидишь ли ты смирно, сударь? Стыдно! – говорила нянька (И. Гончаров. Обломов, I, IX).

Подобные случаи проявляют себя там, где речевая ситуация интеррогации не укладывается в узкие рамки запроса информации, а взаимодействует с другими типовыми смыслами (просьба, утверждение, оценка и т. д.). Мнимая интеррогация проявляется и тогда, когда человек обращается сам к себе (внутренняя речь, монологическая речь):

Он (Пьер. – А. Л.) каждый день говорил себе одно и одно: «Надо же, наконец, понять ее и дать себе отчет: кто она? Ошибался ли я прежде или теперь ошибаюсь? Нет, она не глупа; нет, она прекрасная девушка! – говорил он сам себе иногда. – Никогда ни в чем она не ошибается, никогда она ничего не сказала глупого. Она мало говорит, но то, что она скажет, всегда просто и ясно. Так она не глупа. Никогда она не смущалась и не смущается. Так она не дурная женщина!» (Л. Толстой. Война и мир, 1, III, 2).

ИС в своих интенциях может быть односторонней, при которой адресант и адресат не меняют своих коммуникативных ролей, и двусторонней, которая характеризуется смесью коммуникативных ролей.

К односторонней ИС относятся допрос и экзамен, а двустороннюю представляют бытовое диалог, полемика и т. п. Например, ситуация допроса:

Через минуту он вновь стоял перед прокуратором.

Прозвучал тусклый, больной голос:

- Имя?

- Моё? – торопливо отозвался арестованный, всем существом выражая готовность ответить толково, не вызывая более гнева.

Прокуратор сказал негромко:

- Моё – мне известно. Не притворяйся более глупым, чем ты есть. Твоё.

- Иешуа, – поспешно ответил арестант.

- Прозвище есть?

- Га-Ноцри.

- Откуда ты родом?

- Из города Гамалы, – ответил арестант, головой показывая, что там, где-то далеко, направо от него, на севере, есть город Гамала... (М. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 2).

Ситуация допроса целиком и полностью подчинена коммуникативному намерению адресанта, т. е. допрашивающего. Это проявляется и в том, что он только задает вопросы, и в том, что всячески пресекает попытки допрашиваемого изменить коммуникативный статус. Эти попытки, совершаемые в начале допроса, демонстрируют вполне естественное желание адресата быть равноправным участником коммуникативного акта и реализуются в виде вопроса-уточнения: «Моё?». Кроме того, в качестве вводящих прямую речь адресата автор использует глагол «ответить», что также подчеркивает ситуативную зависимость коммуниканта.

Интеррогативная ситуация, предусматривающая коммуникативное равноправие говорящих, ярче всего проявляется в полемике:

За обедом зашел разговор о женитьбе Пьера.

- Я очень удивился, когда услышал об этом, – сказал князь Андрей.

Пьер покраснел так же, как он краснел всегда при этом, и торопливо сказал:

- Я вам расскажу когда-нибудь, как это все случилось. Но вы знаете, что все это кончено, и навсегда.

- Навсегда? – сказал князь Андрей. – Навсегда ничего не бывает.

- Но вы знаете, как это все кончилось? Слышали про дуэль?

- Да, ты прошел и через это.

- Одно, за что я благодарю бога, это за то, что я не убил этого человека, – сказал Пьер.

- Отчего же? – сказал князь Андрей. – Убить злую собаку очень даже хорошо.

- Нет, убить человека нехорошо, несправедливо...

- Отчего же несправедливо? – повторил князь Андрей. – То, что справедливо и несправедливо – не дано судить людям...

- Несправедливо то, что есть зло для другого человека, – сказал Пьер...

- А кто тебе сказал, что такое зло для другого человека? – спросил он.

- Зло? Зло? – сказал Пьер. – Мы все знаем, что такое зло для себя.

- Да, мы знаем, но то зло, которое я знаю для себя, я не могу сделать другому человеку...

- А любовь к ближнему, а самопожертвование? – заговорил Пьер. – Нет, я с вами не могу согласиться!..

Князь Андрей молча глядел на Пьера и насмешливо улыбался (Л. Толстой. Война и мир, 2, 2, XI).

Как видно из диалога, разговор Болконского и Безухова на личную тему «сворачивает» на острую социальную полемику, что объясняется их мировоззрением. Эта острота подчеркивается последними словами Пьера. А двусторонность ИС иллюстрируется постоянной сменой ролей коммуникантов, попеременно выступающих то как адресанты, то как адресаты.

В создании и реализации интеррогативной ситуации важная роль отводится целевой установке спрашивающего, т. к. речевая деятельность представляет собой «процесс, направляемый и побуждаемый мотивом – тем, в чем «опредмечена» та или иная потребность» [3]. Достижение цели осуществляется в результате воздействия на сознание партнера, независимо от того, находятся или нет эти запланированные изменения непосредственно на службе совместных материально-предметных деятельностей.

Т.В. Шмелева по признаку коммуникативной цели относит интеррогативный речевой акт к информативным (различные операции с информацией, ее предъявление или запрос, подтверждение или опровержение) [4]. Являясь начальным компонентом, интеррогативное высказывание структурирует информативный тип речевого акта, определяет направление поиска информации, её объем и семантику.

Любая ИС преследует цели, которые достаточно условно можно представить в виде следующей классификации:

- а) получение, подтверждение, уточнение информации о ситуации в целом, отдельной ее стороне, соответствии или несоответствии действительности;
- б) провоцирование получения информации, так как один из коммуникативных партнеров получает возможность высказаться;
- в) активизация коммуникативного партнера;
- г) способствование продолжению речевого общения;
- д) выигрывание времени для обдумыва-

ния аргументов;

е) управление разговором: кто спрашивает, тот и ведет разговор;

ж) блокирование мыслительного потока речевого партнера и направление его мысли в другом направлении.

В коммуникативном акте реализуется сразу несколько интенций говорящего. Например, в следующем фрагменте адресант преследует не только цель запроса информации о ситуации, но и активизирует адресата, что ведет за собой продолжение речевого общения или реализации какого-то действия:

- Скоро ли вы? – услышался голос графини. – Уж десять сейчас.

- Сейчас, сейчас. А вы готовы, мама?

- Только току приколоть.

- Не делайте без меня, – крикнула Наташа, – вы не сумеете!

- Да уж десять.

На бале решено было быть в половине одиннадцатого, а надо было еще Наташе одеться и заехать к Таврическому саду (Л. Толстой, Война и мир, 2, 3, XVI).

Более сложными для анализа представляются ситуации, когда невозможно исходить из идентичности целей партнеров или же когда цели изменяются в результате сближения в конфликтном диалоге, подлежащем более точному анализу. В этом случае говорят о другой категории целей, о контрцелях, которые не подчинены фундаментальной цели в той же мере, как собственно частичные цели, или даже противостоят ей. В такой ситуации возникают более сложные взаимоотношения между процессами целеобразования, отражающимися в структурах текста. Процессы образования частичных целей протекают в зависимости от предпосылок воздействия, сложившихся у партнеров, при этом цели могут не демонстрироваться, и коммуниканты даже приходят к идентичности частичных целей диалога, сохраняя в основном противоположные интересы.

Примером может служить отрывок из романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», в котором приводится разговор в психиатрической клинике поэта Ивана Бездомного с врачом клиники. При всей видимости вполне состоявшегося интеррогативного акта каждый из коммуникантов преследует свои цели: Бездомный пытается доказать, что он не сумасшедший, а врач стремится определить степень заболевания поэта (рамки статьи не позволяют привести весь диалог полностью, поэтому мы приведем лишь отрывок из него, который, тем не менее, позволяет

создать определенное представление об ИС с контрцелями):

- А на что же вы хотите пожаловаться?

- На то, что меня, здорового человека, схватили и силой приволокли в сумасшедший дом! – в гневе ответил Иван...

- А почему вас, собственно, доставили к нам? – спросил врач, внимательно выслушав обвинения Бездомного.

- Да черт их возьми, олухов! Схватили, связали какими-то тряпками и поволокли в грузовике!..

- Ага, – сказал врач, – почему так спешили? Какое-нибудь деловое свидание?

- Консультанта я ловлю, – ответил Иван Николаевич и тревожно оглянулся.

- Какого консультанта?

- Вы Берлиоза знаете? – спросил Иван многозначительно.

- Это ... композитор?

Иван расстроился.

- Какой там композитор? Ах да, да нет! Композитор – это однофамилец Миши Берлиоза!

Рюхину не хотелось ничего говорить, но пришлось объяснить.

- Секретарь МАССОЛИТа Берлиоза сегодня вечером задавило трамваем на Патриарших.

- Не ври ты, чего не знаешь! – рассердился на Рюхина Иван, – я, а не ты был при этом! Он его нарочно под трамвай пристроил!

- Толкнул?

- Да причем здесь «толкнул»? – сердясь на общую бестолковость, воскликнул Иван, – такому и толкать не надо! Он заранее знал, что Берлиоз попадет под трамвай!

- А кто-нибудь, кроме вас, видел этого консультанта?

- То-то и беда, что только я и Берлиоз.

- Так. Какие же меры вы приняли, чтобы поймать этого убийцу? – тут врач повернулся и бросил взгляд женщине в белом халате, сидевшую за столом в сторонке. Та вынула лист и стала заполнять пустые места в графе.

- Меры вот какие. Взял я на кухне свечку...

- Вот эту? – спросил врач...

- Эту самую, и ...

- А иконка зачем?

- Ну да, иконка... – Иван покраснел, – иконка-то больше всего и испугала, – он опять ткнул пальцем в сторону Рюхина, –

но дело в том, что он, консультант, он, будем говорить прямо... с нечистой силой знается... и так его не поймаешь.

Санитары почему-то вытянули руки по швам и глаз не сводили с Ивана (М. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 6).

В дискурсе ИС адресант и адресат стремятся реализовать различные цели, которые мотивируются многими факторами. Определяющим моментом является та внеязыковая действительность, положение дел, ситуация, на фоне которой протекает диалог и на которую ориентируется каждый из коммуникантов.

Цель адресантом может быть достигнута или не достигнута. Если цель достигнута, тогда адресат реагирует на вопросительное высказывание должным образом: он дает информацию, отвечает на поставленный вопрос, тем самым удовлетворяя коммуникативную потребность собеседника:

- Доктор, – шепотом спросил потрясенный Рюхин, – он, значит, действительно болен?

- О да, – ответил врач.

- А что же это такое с ним? – робко спросил Рюхин.

Усталый врач поглядел на Рюхина и вяло ответил:

- Двигательное и речевое возбуждение... бредовые интерпретации... случай, по-видимому, сложный... Шизофрения, надо полагать. А тут еще алкоголизм... (М. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 7).

Если цель адресантом не достигнута – это значит, что адресат не желает играть по правилам адресанта:

- Вы кто такой будете, гражданин? – испуганно спросил Никанор Иванович.

- Ба! Никанор Иванович, – заорал дребезжащим тенором неожиданный гражданин и, вскочив, приветствовал председателя насильственным и внезапным рукопожатием. Приветствие ничуть не обрадовало Никанора Ивановича.

- Я извиняюсь, – заговорил он подозрительно, – вы кто такой будете? Вы – лицо официальное?

- Эх, Никанор Иванович! – задумчиво воскликнул неизвестный. – Что такое официальное лицо или неофициальное? Все зависит от того, с какой точки зрения смотреть на предмет, все это, Никанор Иванович, условно и зыбко. Сегодня я неофициальное лицо, а завтра, глядишь, официальное! А бывает и наоборот, Никанор Иванович. И еще как бывает!

Рассуждение это ни в какой степени не удовлетворило председателя домоуправления (М. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 9).

Не менее важен для реализации ИС и фактор тематической обусловленности, входящей основным компонентом в пресуппозицию. Тема определяет круг языковых средств, которые в соответствии с ситуацией могут быть употреблены в каждом конкретном случае в сокращенном (при экономии средств) или полном варианте в зависимости от ситуации общения. Знание обоими коммуникантами темы речевого контакта обеспечивает успешность коммуникации, при этом адресант, желающий узнать или уточнить информацию по конкретной теме, подбирает конфигурации определенных смыслов на основе вышеприведенных факторов ее ограничения, и, в качестве конечной фазы образования вопросительного высказывания, производит выбор синтаксической конструкции с определенными маркерами вопросительного значения. Например, в следующем фрагменте знание всеми коммуникантами сведений о жаркой погоде определяет не только тематику вопросительных предложений, но и характер ответов на них, что свидетельствует о понимании адресатом того, что непосредственно нужно спрашивающим:

- Пиво есть? – силым голосом осведомился Бездомный.

- Пиво привезут к вечеру, – ответила женщина.

- А что есть? – спросил Берлиоз.

- Абрикосовая, только теплая, – сказала женщина.

- Ну, давайте, давайте, давайте! (М. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 1).

Неожиданный сбой в теме высказывания, нарушающий целостность текста, свидетельствует либо об особой стратегии отправителя речи, актуализации подтекстовой информации:

- Вы знаете ли, я ни разу не был у графа. Он меня не звал... Мне его жалко, как человека... Но что же делать?

- И вы думаете, что Наполеон успеет переправить армию? – спросил Борис улыбаясь.

Пьер понял, что Борис хотел переменить разговор, и, соглашаясь с ним, начал излагать выгоды и невыгоды Булонского предприятия (Л. Толстой. Война и мир, 1, 1, XIII);

либо указывает на отсутствие стратегии:

- Здравствуй, земляк, – отрывисто сказал Тарантьев, протягивая мохнатую руку к Обломову. – Что ты это лежишь по сю пору как колода?

- Не подходи, не подходи: ты с холода! – говорил Обломов, прикрываясь одеялом (И. Гончаров. Обломов, 1, IV).

Таким образом, говоря о прагматической составляющей интеррогативной ситуации и ее реализации в диалогическом дискурсе, следует учитывать такие признаки, как истинность или мнимость, односторонность или двусторонность, целевые установки коммуникантов, тематическая заданность. За границами описания остались такие важные компоненты, как фактор адресанта и адресата, реализация интеррогативной ситуации во внутренней речи, некоторые другие проблемы, что объясняется рамками данной работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. – М., 2002. – С. 319.
2. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М., 1988. – С. 206.
3. Леонтьев А.Н. Мотивы, эмоции, личность // Психология личности. Тексты. – М., 1982. – С. 71.
4. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи: Сб. науч. статей. – Саратов, 1997. – С. 91.

A. Loginov

INTERROGATIVITY SITUATION AND ITS PRAGMATIC COMPONENT

Abstract. The article deals with the pragmatic aspects interrogative of situations: true and false, unilateral and bilateral interrogativity; target aim of those speaking; thematic dependence of speech contact.

Key words: real and imaginary interrogativity, unilateral and bilateral interrogativity, goals, thematic conditionality.